

Роль политических и выборных технологий в продолжении церковного и цивилизационного раскола на Украине

Аннотация. В статье рассматривается влияние церковного раскола 2018 года на смену цивилизационной идентичности современных украинцев. Современная Украина находится в зоне конфликта русской и западной цивилизаций, который принял открытые формы в 2014 году. Одной из стратегий решения конфликта представляется смена цивилизационной идентичности противника, путём трансформации культурного ядра цивилизации, включающего также религию и религиозные практики. Трансформация цивилизационного ядра на Украине происходит путём инструментализации религии, которая превращается в способ решения внутри- и внешнеполитических проблем современной украинской власти. В этом аспекте в статье рассмотрена история создания Православной Церкви Украины (ПЦУ) в 2018 году, получение Томоса от Константинопольского патриархата, а также противостояние ПЦУ и УПЦ МП, выступающей как проводник русского цивилизационного влияния. Внутренние цели украинской власти, достигаемые с помощью церковного раскола, сводятся к уменьшению консолидации общества и укреплению собственных позиций в раздробленном социуме.

Внешнеполитические цели заключаются в уменьшении культурного влияния России, выведении русской части украинского общества из сферы трансляции ценностей русской цивилизации и в окончательной смене цивилизационной идентичности украинцев. Одним из путей смены цивилизационной идентичности русских Украины при формальном сохранении православной религии в стране является продвижение евхаристической экклесиологии, которая исторически не укоренена в православной церкви и развивается с середины XX века как альтернатива универсальной экклесиологии. Универсальная экклесиология предполагает, что вселенская церковь не сводится к сумме своих частей, критерий правильной веры заключается в единстве епископата, а сохранение целостности эмпирической церкви выступает как одна из ценностей церковного общения. Евхаристическая экклесиология предполагает, что вся полнота благодати содержится в каждой эмпирической общине, объединённой общей евхаристией. Евхаристическая экклесиология позволяет легче инструментализировать церковь и сделать её выразительницей светских интересов конкретных общин, что и происходит на Украине. В статье показано, что хотя сам по себе церковный раскол не выводит украинцев из русского цивилизационного пространства, он включает церковное общение во внешнеполитический процесс уменьшения русского культурного влияния на Украине и смены цивилизационной идентичности её жителей.

Ключевые слова: инструментализация религии, либерал-православие, томос, ПЦУ, РПЦ, Украина, экклесиология, церковный раскол

Для цитирования: Ищенко Н.С. Роль политических и выборных технологий в продолжении церковного и цивилизационного раскола на Украине. *Ортодоксия*. 2021; (1): 73–91. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-1-1-73-91

Создание единого глобального экономического пространства не привело в современном мире к созданию единой культуры в глобальном масштабе. Именно культурные границы оказываются зоной конфликтов в XX и XXI веке, поскольку, по словам С. Хантингтона,

«глобальная политика начала выстраиваться вдоль культурных линий» (Хантингтон 2007: 13). Изменение культурной и цивилизационной идентичности противника представляется радикальным способом решения конфликта, в результате которого собственное культурное пространство экспансивно расширяется, включая в себя символические, культурные и материальные ресурсы противника. Трансформация цивилизационной идентичности некоторой культурно-исторической общности становится одной из целей коммуникаторов в современных международных отношениях.

Трансформация цивилизационной идентичности возможна посредством изменения ядра культуры, в котором содержатся в символической форме образцы социально приемлемого и социально неприемлемого поведения, ценности и нормы данного общества, которые цивилизация транслирует во времени и пространстве. В ядро культуры входят и религиозные нормы как важнейший его элемент. Таким образом, трансформация цивилизационной идентичности может быть проведена как изменение религиозной составляющей культуры. Один из способов такого изменения заключается в инструментализации религии.

Инструментализация религии представляет собой её использование в нерелигиозных, прежде всего — политических, целях. Использование религии для решения внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем происходит на протяжении всей человеческой истории. В современном мире религия активно используется как инструмент в международных конфликтах. Новые способы манипулирования общественным сознанием, созданные в информационном обществе, постоянно применяются в религиозных процессах (Сенюшкин 2019: 41).

Таким образом, религия может использоваться как инструмент для достижения внутривнутриполитических и внешнеполитических целей, однако наряду с политическими могут преследоваться и геополитические цели, к которым можно отнести смену цивилизационной идентичности этнокультурной общности и включение её в состав иного геополитического и цивилизационного субъекта.

Проанализируем историю возникновения Православной церкви Украины (ПЦУ) в этом контексте: рассмотрим внутривнутриполитические и внешнеполитические цели её создания, а также возможные следствия для трансформации цивилизационной идентичности населения Украины.

Создание ПЦУ в 2018 году и получение этой церковью автокефалии от Вселенского патриарха в Константинополе является одним из важнейших достижений постмайданной украинской власти в сфере церковной политики. Рассмотрим кратко хронологию событий.

В 2018 году, 15 декабря в Софийском соборе Киева состоялся объединительный Собор. На объединительном Соборе представители так называемой Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП) и так называемой Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) объявили о самороспуске и создании новой православной церкви на Украине. Помимо церковных деятелей в соборе принимали участие президент и экс-президент Украины П. Порошенко и В. Ющенко. Председательствовал на соборе представитель Вселенского патриарха митрополит Галльский Эммануил (Сенюшкин 2019: 43). В следующем 2019 году, 6 января в Стамбуле глава ПЦУ митрополит Епифаний и президент Украины Пётр Порошенко получили от патриарха Варфоломея и Синода Константинопольского патриархата томос о создании автокефальной церкви (Лункин 2018: 197). Новая религиозная структура стала независимой.

Однако история ПЦУ начинается не с 2018 года. Идея создания национальной независимой украинской православной церкви играла важную роль в политике позднесоветского и постсоветского периода истории Украины. Именно в это время были созданы две организации, самороспуск которых и воссоединение под новым названием привели к появлению ПЦУ. Это УПЦ КП и УАПЦ. Обе эти церкви действовали на Украине параллельно с Украинской Православной Церковью Московского Патриархата (УПЦ МП), которая не участвовала в объединительном Соборе и не признала томоса об автокефалии ПЦУ.

Данные о соотношении сил трех церквей Украины приводит Д.Н. Кравцов, опираясь на официальные сведения Департамента по вопросам религии и национальностей Министерства культуры Украины по состоянию на 1 января 2017 года.

«УПЦ МП пока является крупнейшей по численности приходов и священнослужителей православной конфессией Украины. Она объединяет 12 653 религиозные общины, 208 монастырей, 19 духовных учебных заведений, 135 печатных, аудиовизуальных и электронных СМИ. Количество священнослужителей УПЦ МП — 10 289. В состав УПЦ КП входит 5264 прихода, 60 монастырей, 18 духовных учебных заведений,

48 различных СМИ. Количество служителей УПЦ КП — 3479. В структуре УАПЦ входит 1239 общин, 13 монастырей, 8 духовных учебных заведений, 12 СМИ, числятся 709 служителей. Таким образом, количество религиозных общин УПЦ МП в 2,5 и 10,3 раза, а служителей — в 3,1 и 14,1 раза больше, чем в УПЦ КП и УАПЦ соответственно» (Кравцов 2017: 171).

УПЦ МП вошла в состав РПЦ в 1689 году и пользуется в настоящее время полным самоуправлением, за исключением двух моментов. В 1990 году Патриарх московский и всея Руси Алексий даровал Украинской Православной Церкви Томос, в котором свобода УПЦ МП ограничивается тем, что она не может самостоятельно менять догматы и каноны, а также благословением выбора предстоятеля УПЦ МП патриархом РПЦ, причём предстоятель избирается Собором епископов УПЦ и подконтролен Собору (Оленчак 2015). Таким образом, автономия УПЦ МП в составе РПЦ реализуется на Украине уже в течение трех десятилетий. РПЦ не вмешивается во внутренние дела УПЦ МП, оставаясь вместе с Украинской Православной Церковью в составе русского культурного и цивилизационного пространства.

Церкви, составившие в 2018 году ПЦУ, возникли на Украине в начале 1990-х годов и изначально были ориентированы на иную цивилизационную идентичность.

Независимость и воссоздание неканонической УАПЦ, существовавшей на Украине в 1919–1930-х годах, были провозглашены в начале 1990 года в Киеве Всеукраинским собором. Всеукраинский собор принял решение об учреждении собственной патриархии без согласования с поместными православными церквями, что является нарушением канонического права. Первым патриархом УАПЦ был избран митрополит Мстислав (Скрыпник), который до этого с 1971 года возглавлял непризнанную «Украинскую православную церковь в США», которая с 1995 года перешла в юрисдикцию Константинопольского патриархата (Робертсон 1999: 117–119). Константинопольский патриархат в этот период не признал УАПЦ, но оказывал ей всестороннюю поддержку церковно-дипломатического характера (Кравцов 2017: 166).

УПЦ КП возникла в 1992 году в результате церковного раскола в УПЦ МП. Вот как описывает историю этих событий современный исследователь Д.Н. Кравцов.

На Архиерейском Соборе РПЦ в 1992 году происходило обсуждение вопроса предоставления УПЦ автокефалии. Решение не было принято, а митрополиту Филарету, Предстоятелю УПЦ, было предложено покинуть этот пост. Опираясь на поддержку тогдашнего президента Украины Л.М. Кравчука (1991–1994 гг.) и представителей правительства США, митрополит Филарет заявил об отказе добровольно уйти в отставку и выдвинул лозунг «в независимом государстве — независимую церковь» (Кравцов 2017: 167). Идея Филарета была впоследствии доведена до своего логического завершения президентом Украины П. Порошенко в 2019 году.

Созванный в Харькове в том же году Архиерейский собор УПЦ выразил недоверие митрополиту Филарету и принял решение о низложении его с поста Предстоятеля УПЦ. Митрополитом Киевским и всея Украины был провозглашён митрополит Владимир (Сабодан). В том же 1992 году Архиерейский Собор РПЦ извергнул митрополита Филарета (Денисенко) из сана, а позже в 1997 году предал анафеме.

Митрополит Филарет не признал решения Харьковского собора УПЦ. Президент Л.М. Кравчук вынудил Президиум Верховной Рады Украины принять заявление, в котором Харьковский собор объявлялся незаконным, а также неканоническим. Политика вмешательства светской власти Украины в религиозные процессы была также продолжена постмайданным руководством страны в лице П. Порошенко.

Таким образом, в 2018 году две неканонические украинские церкви, УПЦ КП и УАПЦ, послужили основой для создания ПЦУ, и новая организация в 2019 году получила автокефалию. Однако фактически эта автокефалия существенно ограничивает деятельность ПЦУ и ставит её в полную зависимость от Вселенского патриархата. Сравнение двух томосов, данного УПЦ МП в 1990 году и данного ПЦУ в 2019 году, проводят А.А. Фомин и Н.П. Пархитько.

Исследователи показывают, что Томос 2019 года фактически ограничил права ПЦУ. Так, согласно новым нормам, помимо запрета на самостоятельное изменение догматов и канонов ПЦУ не имеет права решать внутрицерковные вопросы, касающиеся финансов, церковных кадров и других сфер церковной деятельности. В так называемой Православной церкви Украины нет такого органа, как Собор епископов, избирающий главу церкви и принимающий решение о его отставке. Соборное мнение ПЦУ в данных вопросах не играет роли, поскольку

отсутствует механизм его выяснения и исполнения. Главу ПЦУ избирает и назначает Константинопольский патриархат, то есть ПЦУ полностью управляется из-за границ страны.

Помимо сужения прав ПЦУ на Украине, Томос ограничивает её деятельность за рубежом: ПЦУ обязуется осуществлять свою миссию только в границах страны, а «существующие приходы за границей переходят к Константинополю. Такого запрета для УПЦ не существует» (Фомин, Пархитко 2019: 894).

Ещё одна важная норма, ограничивающая деятельность ПЦУ, заключается в расширении ставропигии Константинополя. Ставропигия представляет собой подчинение монастырей или церквей непосредственно патриарху. По данным на 2019 год у РПЦ и Константинопольского патриархата по одной ставропигии на Украине: Свято-Троицкий монастырь в Ровенской области и Андреевская церковь в Киеве соответственно. Как сообщают исследователи А.А. Фомин и Н.П. Пархитко, «украинская власть готовится передать Константинополю по разным оценкам до 38 монастырей» (Фомин, Пархитко 2019: 894).

Таким образом, независимость вновь образованной автокефальной церкви ограничена во всех ключевых пунктах. Создание параллельной православной церковной структуры на Украине продиктовано не религиозными нуждами верующих и не процессами религиозного самоопределения народа Украины, а политическими целями украинской власти. Рассмотрим внутривластные и внешнеполитические цели создания ПЦУ и получения ею автокефалии.

Как и её предшественницы УПЦ КП и УАПЦ, ПЦУ создана и функционирует при активной поддержке украинской власти. Для того, чтобы склонить духовенство к участию в Объединительном соборе 2018 года и наполнить содержанием указание Порошенко о создании единой церкви, украинские власти проводили операции устрашения в отношении духовенства УПЦ МП. Как пишет Р.Н. Лункин, «беседы со священниками в СБУ, призывы чиновников крестить детей только у раскольников, обыски у наместника Киево-Печерской лавры являются явным давлением на Церковь и вмешательством в её жизнь, нарушением всех демократических норм. Помимо этого, оказывая влияние на митр. Павла, власти готовятся отдать полностью или частично лавру новой структуре в лице “единой церкви”» (Лункин 2018: 198). Количество приходов ПЦУ в 2019 году составляло около 7 тыс. Это

число растёт только за счёт административного ресурса и физического давления (Фомин, Пархитко 2019: 895).

Для создания правовой возможности усиления ПЦУ при Порошенко были приняты два законопроекта, инициированные ещё в 2017 году. Это законопроект № 4511 «Об особом статусе религиозных организаций, руководящие центры которых находятся в государстве, признанном Верховной Радой Украины государством-агрессором» и законопроект № 4128 «О подчинённости религиозных организаций и процедуре государственной регистрации религиозных организаций в статусе юридического лица».

Законопроект № 4511 «позволяет признать УПЦ МП организацией, центр которой находится в стране-агрессоре» (Лункин 2018: 197). Согласно этому законопроекту, украинская власть сможет осуществлять контроль над кадровой политикой Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Законопроект № 4128 предусматривает внесение поправок, которые позволяют религиозным общинам менять юрисдикцию «для удовлетворения своих религиозных потребностей и достойного выражения религиозных чувств» на общем собрании простым большинством (Лункин 2018: 197).

Таким образом, активное вмешательство государства в процесс создания и усиления ПЦУ показывает, что украинская власть использует церковь как инструмент достижения своих внутривластных целей.

Создавший ПЦУ президент Порошенко сделал церковный вопрос краеугольным в своей предвыборной кампании, в основе которой он заложил три элемента: «Армия (сильная украинская армия), мова (развитие украинского языка) и вера (предоставление автокефалии)» (Фомин, Пархитко 2019: 895). Создание ПЦУ и получение автокефалии было одним из пунктов реализации этой программы и подавалось как достижение действующего президента, компенсирующее отсутствие достижений в экономической и социальных сферах (Фомин, Пархитко 2019).

После поражения Порошенко на выборах этот вопрос утратил ситуационную актуальность. Заявления нового президента В. Зеленского о том, что он и его администрация не будут вмешиваться в церковные дела, заметно снизили накал противостояния разных церквей и приходов на местах. Президент после вступления в должность встретился с главами как ПЦУ, так и УПЦ МП. После выборов и на словах, и на деле процесс создания ПЦУ затормозился, а законы, принятые при П. Порошенко,

не были воплощены в жизнь. В день празднования Крещения Руси 28 июля 2020 г. бывший глава Украины Пётр Порошенко обвинил Зеленского в «лоббировании интересов Русской церкви в Украине», поскольку все инициативы (законы и проект «единой церкви») Порошенко оказались, по крайней мере, заморожены (Лункин 2020: 162).

Украинская власть преследует также и внешнеполитические цели при создании ПЦУ и её поддержке. Главный вектор внешней политики Украины после 2014 года направлен против России. Антирусская пропаганда внутри страны, война с Донбассом, выступившим за сохранение своей русской культурной идентичности, целый ряд законодательных изменений в политической, образовательной, культурной, экономической сфере наглядно показывают, что антирусская внешняя политика является приоритетом постмайданной украинской власти. Именно в рамках этой политики используется и религия как инструмент достижения внешнеполитических целей, что было задекларировано президентом Порошенко в 2018 году на Объединительном соборе: «Это церковь без Путина. Это церковь без Кирилла. Это церковь без молитвы за российскую власть и российское войско, которые убивают украинцев. Но это церковь с Богом и Украиной!»¹.

Эта же цель заявлена в новом украинском учебнике истории для 11-го класса, одобренном Министерством образования Украины. В тексте учебника особо отмечено, что создание СЦУ-ПЦУ и получение ею Томоса от Патриарха Константинопольского Варфоломея «консолидировало и объединило патриотические силы» страны. Также, по мнению авторов, главной «победой» можно считать «нивелирование влияния Русской Православной Церкви на внутреннюю жизнь» украинцев» (Власов 2019: 239–241).

Закрепляя пройденный материал, учитель должен предложить старшеклассникам ответить на такие вопросы: «Почему каноническая Украинская Православная Церковь оказывала препятствия получению Томоса об автокефалии ПЦУ? В чем они проявлялись? Какие идеологии использовал противник для обоснования своей позиции?» (Власов 2019: 240). Таким образом, в школьном учебнике вопрос о создании ПЦУ подаётся в политическом контексте и используется для создания образа русских-врагов.

¹ Порошенко П.А. (2018). Это церковь без Путина. Это церковь без Кирилла. Это Москва. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2334533-echo> (дата обращения: 21.04.2021 г.).

Итак, на разных уровнях украинская власть задекларировала свою внешнеполитическую цель — уменьшить влияние РПЦ на территории Украины, и использует ПЦУ для достижения этой цели.

Внешнеполитическая цель уменьшения российского влияния в деятельности руководства Украины совпадает с геополитическими целями США. Вполне можно обосновать тезис о навязывании этой цели (уменьшение российского влияния) Украине извне, однако мы не будем на этом останавливаться. Рассмотрим последствия религиозных процессов на Украине для трансформации культурной и цивилизационной идентичности её православного населения.

Украинский курс на радикальную европеизацию предполагает разрыв всех связей с Россией, вытеснение русского языка и русской культуры из культурного ядра и смену цивилизационной идентичности украинцев. Религия как важнейший элемент культурного ядра оказывается на острие атаки.

На первый взгляд, последними преобразованиями в религиозной сфере собственно религиозная жизнь никак не затрагивается: ПЦУ провозгласила себя православной церковью, богословские догматы в ходе её создания не менялись. Однако возникновение ПЦУ неявно основано на экклесиологии, которая не является общепринятой в современном Православии.

Экклесиология — это учение о сущности Церкви. В православном богословии в настоящее время существует две экклесиологии — универсальная и евхаристическая, причём господствующей является универсальная. Обе экклесиологии восходят к первым векам христианства: универсальная экклесиология сформулирована священномучеником Киприаном Карфагенским в III веке н. э., евхаристическая экклесиология строится на посланиях святого Игнатия Богоносца (II век н. э.) (Кагарлыкский 2019: 313).

В универсальной экклесиологии Церковь выступает как общность вселенского масштаба, объемлющая все существующие местные церкви. И именно к ней относятся все атрибуты Церкви: святость, единство, кафоличность, апостольство. Богослов Николай Афанасьев показывает, что в универсальной экклесиологии «местные церкви, как части Церкви универсальной, не обладают сами этими атрибутами; они обладают ими только через церковь универсальную, при условии, что они являются частью её» (Афанасьев 1996). Итак, хотя эмпирически мы имеем

дело с конкретными церковными общинами, ни одна из них не является субъектом всех атрибутов вселенской Церкви, а выступает их носителем только в силу своей принадлежности к универсальной Церкви.

Евхаристическая экклесиология своё самое яркое выражение получила в трудах протопресвитера Николая Афанасьева, который обратился к первым векам существования христианства и реконструировал существовавший до Киприана подход к экклесиологии, по его мнению, истинно-христианский (Афанасьев 1996).

Радикальное различие между универсальной и евхаристической экклесиологией заключается в том, что такие атрибуты Церкви, как единство, святость, соборность, апостоличность оказываются принадлежностью конкретной церкви, а не Церкви вообще. При этом главным моментом единства Церкви является Евхаристия. К Церковному единству можно принадлежать, только причащаясь в конкретной церкви. Этот принцип Николай Афанасьев сформулировал следующим образом: «Церковь пребывает там, где имеется евхаристическое собрание... где Евхаристия, там Церковь Божия, а где Церковь Божия, там Евхаристия. Отсюда следует, что отличительным эмпирическим признаком Церкви является евхаристическое собрание. К местной церкви принадлежат те, кто участвует в её евхаристическом собрании. Таким образом, эмпирически границы Церкви определяются границами евхаристического собрания» (Афанасьев 1996).

В системе универсальной экклесиологии мистически единая Церковь проявляется эмпирически как совокупность многих частей. Эмпирическая раздробленность церкви требует определённого критерия, который однозначно определял бы принадлежность общины к Церкви. Этот критерий не может содержаться в местных общинах, поскольку они, будучи частями целого, лишены универсальных характеристик. Принцип единства, не позволяющий Церкви распадаться на части, должен находиться не в частях, а в этом мистическом целом. Роль такого видимого критерия в универсальной экклесиологии играет единство епископата (Кагарлыкский 2019: 314).

Та же проблема поиска критерия в евхаристической экклесиологии приводит к таинству евхаристии — участие в церковном служении конкретной церкви. «Участие в определённом Евхаристическом собрании открывает возможность участия в Евхаристических собраниях всех остальных местных церквей, находящихся между собой в братском

общении. В эмпирической жизни полнота и единство «Церкви Божией во Христе» проявляется во множественности местных церквей, т. к. нет разных Евхаристических собраний, а во всех них совершается одна и та же Евхаристия. Поэтому нельзя состоять в Церкви без определённой принадлежности к одной определённой местной церкви и участия в одном определённом Евхаристическом собрании. Эта конкретная принадлежность есть подлинная принадлежность к единой Церкви Божией» (Афанасьев 1977: 60).

Принятие евхаристического критерия в современных условиях порождает заметные проблемы, одна из которых заключается в определении местной церкви и выражаемого ею единства. Так, современный богослов указывает, что «в античном полисе географическая близость действительно влекла за собой жизнь лицом к лицу, «собирающее» пересечение человеческих судеб. Евхаристические собрания местных церквей могли являть и со властью являли победу Христа над разделением падшего мира. Но такие же структуры, механически воспроизведённые сегодня, могут закончить тем, что будут продолжать и усугублять эти разделения, например, за счёт отождествления церкви со специальными интересами того или иного естественного, чисто человеческого сообщества» (Эриксон 2020: 26).

Евхаристическая экклесиология стала инструментом попытки трансформации Православия в некую постмодернистскую идеологию (Щипков 2021: 105). Анализ этой либерал-православной идеологии проводит А.В. Щипков. Исследователь показывает её структурное родство с протестантской цивилизационной интуицией о самодостаточном индивиде, которому служат все сложные идейные структуры в культуре и цивилизации. В рамках этой экклесиологии каждая церковная община является самостоятельной, центр этой системы постоянно перемещается от одного элемента к другому, а координирующая вертикаль церковной власти отсутствует. Исторически сложившемуся институту патриаршества также нет места в этой схеме (Щипков 2021: 105–106).

Развитие в этом направлении приводит к умножению числа церквей, каждая из которых считает себя носителем Святого Духа и закономерно приходит к реформе догматов и религиозным трансформациям (Щипков 2021: 107). Это и есть протестантский способ развития церкви, предлагаемый как культурный образец западной цивилизацией.

Трансформация церкви в этом направлении происходит на Украине. При создании ПЦУ был отвергнут критерий единства епископата, решающий в универсальной эkkлесиологии. УПЦ КП и УАПЦ, а также их наследница ПЦУ были созданы без соборного согласия Церкви. Их деятели пошли на прерывание евхаристического общения с УПЦ МП ради своих политических целей, то есть поставили религиозные цели на службу политике. Единство епископата было в одностороннем порядке нарушено по политическим мотивам. В рамках универсальной эkkлесиологии ПЦУ не является частью тела Христова и не может воплощать всю полноту религиозной жизни.

Евхаристический принцип, к которому неявно в своей деятельности апеллирует ПЦУ, привёл к отождествлению церкви с украинской нацией. УПЦ МП же объединяет «людей разных политических взглядов и идентичностей» (Лункин 2018: 198). Наряду с этим принадлежность к ПЦУ жёстко связана с политическими взглядами человека. Такая инструментализация религии задаёт вектор социокультурного развития в сторону секуляризации общества. Уже сейчас межконфессиональный спор порождает в украинском обществе усталость от проблемы, всё больше людей убеждается, что религиозные вопросы оказываются инструментом в политической борьбе, и политические, а также националистические ценности воспринимаются в украинском обществе как единственно важные.

Подводя итоги, можно сказать, что сам по себе церковный раскол не может уничтожить цивилизационную идентичность украинцев, однако вмешательство в процесс внешних по отношению к русской цивилизации сил придаёт процессу геополитическое измерение. Созданная украинским правительством ПЦУ представляет собой инструмент для уменьшения русского культурного влияния на Украине, вследствие чего освободившиеся части культурного пространства заполняются активно пропагандируемыми европейскими ценностями. Замороженный по внутривнутриполитическим причинам проект усиления ПЦУ может быть реанимирован как с изменением внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации, так и по причине нарушения межпоколенческой трансляции русских цивилизационных ценностей на Украине, когда идущая в разных сферах общества трансформация цивилизационной идентичности достигнет заметных результатов.

Сведения об авторе

Ищенко Нина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент, кафедра эстрадного музыкального искусства, факультет музыкального искусства, Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, 91055, г. Луганск, ул. Красная площадь, 7, e-mail: niofterna@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Афанасьев, Н. Н. (1996). *Una Sancta. Православная община*, (34), 62–112. Дата доступа 23.04.2021, <http://pravoslavna-ya-obshina.ru/1996/no34/article/protopresviter-nikolai-fanasevuna-sancta/>

Афанасьев, Н. Н. (1977). Вступление в Церковь. *Вестник русского христианского движения*, 1(120), 27–48. <https://www.rp-net.ru/book/vestnik/>

Власов, В. С., & Кульчицкий С. В. (2019). *Історія України (рівень стандарту): підручник для 11 класу закладів загальної середньої освіти*. Київ: Літера ЛТД.

Кагарлыкский, А. Б. (2019). Евхаристический аспект единства церкви и критика абсолютизации ее иерархически-канонического принципа единства. *Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право*, 44(2), 312–317.

Кравцов, Д. Н. (2017). «Крестный путь» Русского православия на Украине в условиях современной дискриминационной дерусификации и антироссийской пропаганды. *Коммуникология*, 5(5), 163–176.

Лункин, Р. Н. (2018). Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (6), 196–202.

Лункин, Р. Н. (2020). Влияние украинского фактора на внешнюю политику Русской Православной Церкви. *Современная Европа*, (4), 155–164.

Оленчак, Я. Л. (2015). Автокефальные тенденции в Украинской церкви: историко-политическая проекция. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, (3), 64–70.

Робертсон, Р. (1999). *Восточные христианские Церкви: Церковно-исторический справочник*. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа.

Сенюшкин, Е. А. (2019). Внутриправославные противоречия на Украине: через инструментализацию религии — к геополитизации конфликта. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 8(1(26)), 41–45.

Фомин, А. А., & Пархитько, Н. П. (2019). Украинская автокефалия: путь к независимости или политический проект? *Постсоветские исследования*, 2(1), 893–896. doi: 10.24411/2618-7426-2019-00007

Хантингтон, С. П. (2007). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ.

Щипков, А. В. (2021). *Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия*. Москва: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви.

Эрикссон, Дж. (2020). Крещальная экклезиология в контексте церковной жизни и вероучения. *Вестник Свято-Филаретовского института*, (3–4), 19–45.

The Role of Political and Electoral Technologies in Continuing the Church and Civilization Schism in Ukraine

N.S. Ishchenko

LUGANSK STATE ACADEMY OF CULTURE AND ARTS NAMED AFTER M. MATUSOVSKY.

Abstract: This article examines the impact of the church schism in 2018 on the change in the civilizational identity of modern Ukrainians. Modern Ukraine is in the zone of the conflict of Russian and Western civilizations, openly expressed since 2014. One of the strategies for resolving the conflict appears to be changing the civilizational identity of the enemy by transforming the cultural core of civilization, which also includes religion and religious practices. The transformation of the civilizational core in Ukraine occurs through the instrumentalization of religion, which turns into a way to solve the internal and foreign policy problems of the modern Ukrainian government. This article studies the history of the establishment of the Orthodox Church of Ukraine (OCU) in 2018, the reception of tomos from the Constantinople Patriarchate and the confrontation between the OCU and the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate (UOC-MP), which acts as a conductor of the Russian civilization's influence. The internal goals of the Ukrainian government, achieved through a church schism, include reducing the consolidation of society and strengthening its own position in a fractured society. Their foreign policy objectives involve reducing the cultural influence of Russia, excluding the Russian part of the Ukrainian society from receiving the Russian civilization's values and changing the civilizational identity of Ukrainians. One way to change the civilizational identity of Russians in Ukraine while formally

preserving the Orthodox religion in the country involves promoting eucharistic ecclesiology, which is not historically rooted in the Orthodox Church and has been developing since the mid-20th century as an alternative to the universal ecclesiology. The latter assumes that the universal church is not reduced to the sum of its parts, that the criterion for correct faith is the unity of the episcopate, and that maintaining the integrity of the empirical church is one of the values of church communion. Eucharistic ecclesiology presumes that the fullness of grace is contained in each experiential community united by the common Eucharist. Eucharistic ecclesiology aids in instrumentalizing the church and turning it into the spokesperson for the secular interests of communities, which is already happening in Ukraine. This article shows that despite the church schism itself does not remove Ukrainians from the Russian civilizational space, it includes church communication into the foreign policy of reducing the Russian cultural influence in Ukraine and changing the civilizational identity of its inhabitants.

Keywords: instrumentalization of religion, liberal orthodoxy, tomos, Orthodox Church of Ukraine, Russian Orthodox Church, Ukraine, ecclesiology, church schism

About the author:

Ishchenko Nina Sergeevna — Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Musical Variety Art Department, Musical Art Faculty, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, e-mail: niofterna@gmail.com

REFERENCES

Afanasyev, N. N. (1996). Una Sancta. *The Orthodox Community*, (34), 62–112. Retrieved April 23, 2021. <http://pravoslavnaya-obshina.ru/1996/no34/article/protopresviter-nikolai-fanasevuna-sancta/> [In Russian]

Afanasyev, N. N. (1977). Vstuplenie v Tserkov' [Entry into the Church]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya*, 1(120), 27–48. [In Russian]

Vlasov, V. S., & Kul'chits'kiy S. V. (2019). *Istoriya Ukraïni (riven' standartu): pidruchnik dlya 11 klasu zakladiv zagal'noi seredn'oi osviti* [History of Ukraine (Standard Level): Handbook

for the 11th Grade of Secondary Schools]. Kiev: Litera LTD. [In Russian]

Kagarlyksky, A. B. (2019). Evkharisticheskiy aspekt edinstva tserkvi i kritika absolyutizatsii ee ierarkhicheskii-kanonicheskogo printsipa edinstva [The Eucharistic aspect of the unity of the church and the critique of the absolutization of its hierarchical-canonical principle of unity]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya*. Pravo, 44(2), 312–317. [In Russian]

Kravtsov, D. N. (2017). «Krestnyy put'» Russkogo pravoslaviya na Ukraine v usloviyakh sovremennoy diskriminatsionnoy derusifikatsii i antirossiyskoy propagandy [“The Way of the Cross” of Russian Orthodoxy in Ukraine in Conditions of Modern Discriminatory Derusification and Anti-Russian Propaganda]. *Kommunikologiya*, 5(5), 163–176. [In Russian]

Lunkin, R. N. (2018). Politicheskaya situatsiya na Ukraine v svete tserkovnogo raskola. [The political situation in Ukraine in the light of the church split]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, (6), 196–202. [In Russian]

Lunkin, R. N. (2020). Vliyaniye ukrainskogo faktora na vneshnyuyu politiku Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [The influence of the Ukrainian factor on the foreign policy of the Russian Orthodox Church]. *Sovremennaya Evropa*, (4), 155–164. [In Russian]

Olenchak Ya. L. (2015). Avtokefal'nye tendentsii v Ukrainiskoy tserkvi: istoriko-politicheskaya proektsiya [Autocephalous tendencies in the Ukrainian Church: historical and political projection]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, (3), 64–70. [In Russian]

Roberson, R. (1999). *Vostochnye khristianskie Tserkvi: Tserkovno-istoricheskiy spravochnik* [Eastern Christian Churches: A Church-Historical Handbook]. Saint-Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola. [In Russian]

Senyushkin, E. A. (2019). Vnutripravoslavnye protivorechiya na Ukraine: cherez instrumentalizatsiyu religii — k geopolitizatsii konflikta [Intra-Orthodox contradictions in Ukraine: through the instrumentalization of religion — to the geopolitization of the conflict]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 8(1(26)), 41–45. [In Russian]

Fomin, A. A., & Parkhit'ko, N. P. (2019). Ukrainskaya avtokefaliya: put' k nezavisimosti ili politicheskiy proekt? [Ukrainian autocephaly: a path to independence or a political project?].

Postsovetskie issledovaniya, 2(1), 893–896. doi: 10.24411/2618-7426-2019-00007 [In Russian]

Huntington, S. P. (2007). *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST. [In Russian]

Shchipkov, A. V. (2021). *Diskurs ortodoksii. Opisanie ideynogo prostranstva sovremennogo russkogo pravoslaviya* [Discourse of Orthodoxy. Description of the Ideological Space of Modern Russian Orthodoxy]. Izdatelstvo Moskovskoy Patriarkhii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. [In Russian]

Erickson, J. (2020). Kreshchal'naya ekkleziologiya v kontekste tserkovnoy zhizni i veroucheniya [Baptismal ecclesiology in the context of church life and doctrine]. *Vestnik Svyato-Filaretovskego instituta*, (3–4), 19–45. [In Russian]